

В тот же миг снова раздался печальный голос старухи Лю:

— Старуха чувствует облегчение. Теперь отправляюсь в путь. Благодарю вас.

Как только голос смолк, Сюэ Сянь воочию увидел, как из жернова мелькнула размытая тень, а вместе с ней исчезли и пепел благовоний, и зола бумаги, покрывавшие поверхность камня.

Однако в момент, когда жернов раскололся и старуха Лю исчезла, в комнате вдруг раздались два приглушённых звука: «дин-дин, дан-дан». Словно звон колокольчиков, привязанных к повозке или какой-то вещи, доносящийся из далёких переулков, тонкий и едва слышный.

Затем что-то выкатилось из центра расколовшегося жернова на стол.

Дзинь-линь — дан-лан! — Два звука подряд.

Сюэ Сянь почувствовал, как что-то катится по столешнице и, прежде чем он успел поднять голову, прокатилось у него по затылку:

— Что за штукавина?! Безглазая! Разобью!

Сюань Минь протянул руку, и круглый предмет, едва не скатившись со стола, упал ему на ладонь.

Он взял его пальцами, посмотрел и ровно произнёс:

— Золотая жемчужина размером с баранье око.

Сюэ Сянь опешил:

— С баранье око? Золотая жемчужина?

Точно! Так и есть! Говорил же, золотую жемчужину, воплощение истинного дракона, не так-то просто подчинить! Этот мастер просто грубо вложил её в жернов.

Однако, пока он ликовал, Сюань Минь изрёк:

— Угу. Раз безглазая — разобьём.

— Нет! погоди! — Если бы не пресс-папье, Сюэ Сянь, кажется, взлетел бы к потолку. — Посмеешь разбить — я тебя разобью!

Сюань Минь спокойно спросил:

— Теперь с глазами?

Сюэ Сянь буркнул:

— С глазами.

Сюань Минь:

— Не разбиваем?

Сюэ Сянь:

— Не разбиваем. Моя вещь, кто посмеет!

— Твоя вещь? — Сюань Минь невозмутимо продолжил:

— Чем докажешь?

Сюэ Сянь, улучив момент, попытался провести его:

— Ладно, убери пресс-папье — докажу.

Сюань Минь бросил на него взгляд и выдал четыре слова:

— Рассказывай на словах.

«...»

Сюэ Сянь хотел вывернуть ему кишки на лицо.

Но золотая жемчужина была слишком важна. Пока она в лапах этого лысого монаха, он чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Пришлось смириться и вести себя смирнее.

Без всяких интонаций, апатично он произнёс:

— Поднеси ту жемчужину к пламени свечи — увидишь...

Увидишь, как внутри смутно извивается дракон, правда, голова и лапы поджаты под длинное тело, так что разглядеть вряд ли удастся.

Но Сюэ Сянь так не сказал. Он прикусил кончик языка и продолжил:

— Увидишь внутри изогнутые узоры. Видал ты, чтобы другие золотые жемчужины пропускали свет?

Сюань Минь, услышав это, приблизил жемчужину к пламени свечи.

И правда, прежде обычная на вид золотая жемчужина стала слегка прозрачной, и внутри смутно виднелась свёрнутая кольцами тонкая нить.

Сюань Минь сказал:

— Змея.

Сюэ Сянь: «...» Змея твою бабушку!

Он с трудом сдержался и, с потемневшим лицом, фыркнул:

— Ну что, теперь веришь? Можешь убрать эту дурацкую подставку и вернуть мою жемчужину?

Сюань Минь, впрочем, не был совсем уж неразумным. Увидев, что у этого негодника есть веские доводы, он поднял руку и убрал пресс-папье.

Сюэ Сянь приподнялся, опираясь на стол, и покачал головой, привыкая после «каменного гнёта». Потряс бумажной головой и, довольно бесцеремонно протянув обе руки, потребовал:

— Моя жемчужина? Давай сюда!

Сюань Минь указал пальцем в центр стола:

— Сначала...

— Меньше слов, давай! — Сюэ Сянь нетерпеливо перебил.

Сюань Минь умолк, молча посмотрел на него несколько мгновений, затем положил золотую жемчужину размером с баранье око на две бумажные лапки.

Грохот!

Жемчужина была увесистой, бумага же её не удержала.

Сюэ Сянь почувствовал, как лапки резко провалились, перед глазами потемнело, и его, подцепленного этой несчастной жемчужиной, швырнуло со стола прямо на пол.

«...»

Жить просто невозможно.

Когда Сюань Минь поднял этого негодника с пола, тот всё ещё мёртвой хваткой впился лапками в золотую жемчужину, не отпуская, словно трясущийся скряга.

— Я лишь хотел, чтобы ты подвинулся к центру. — Сюань Минь посадил его обратно в середину стола и, глядя сверху вниз, спросил:

— Будешь теперь перебивать?

Сюэ Сянь мысленно сказал: «Пфф! Какое тебе дело!» Но, оглушённый падением, он боялся, как бы этот лысый монах в плохом настроении снова не конфисковал его драгоценную жемчужину. Поэтому на словах он неохотно буркнул:

— Ладно, в следующий раз из вежливости дам договорить.

Обняв жемчужину, он пару раз перекатился по столу, пока не стукнулся со звоном обо что-то. Тут он вспомнил: из жернова выпала не одна вещь.

Сюэ Сянь, распластавшись на жемчужине, присмотрелся. Оказалось, он наткнулся на серебряный диск размером с абрикос. Посередине диска была тонкая щель, и при касании он издавал лёгкий перезвон.

— Это что такое? — спросил Сюэ Сянь и откатился в сторону.

Смотря издали, это всё равно была незнакомая штукавина.

— Это лекарский колокольчик. — Внезапно раздался голос Цзян Шинина.

Сюэ Сянь, прилипший к золотой жемчужине, словно неваляшка, покатился вместе с ней к пресс-папье, ударился и остановился:

— Очнулся?

— Всё время был в сознании, просто не мог говорить. — Ответил Цзян Шинин. — Сейчас, видимо, из-за наступления ночи, вдруг вновь обрёл голос.

Голос его звучал мягко и неторопливо, по сравнению с прежним в нём появилась какая-то неуловимая живость, уже не такая мёртвенная. Словно... внезапно разрешилось какое-то дело на сердце, и стало немного легче.

Едва он договорил, как спустился со стола на стул, а затем на пол, снова приняв облик учёного.

Он протянул руку, взял тот лекарский колокольчик и, потирая пальцами, сказал:

— Это наш семейный колокольчик.

Сюэ Сянь удивился:

— Твой семейный?

— Угу. — Цзян Шинин кивнул и показал Сюэ Сяню одну сторону колокольчика. Там было выгравировано имя — Цзян Юн.

— Это мой прадед. — Он объяснил:

— Прадед был лекарем, каждый день ходил по улицам и переулкам, лечил людей. Тогда лекари, чтобы оповестить людей, вешали на свои сундучки с лекарствами серебряный лекарский колокольчик. Куда бы ни шли — везде звенел. Услышав, люди с болезнями и недугами приходили просить лечения и лекарств. Этот колокольчик и использовал мой прадед. Сейчас таких странствующих лекарей почти не осталось, в основном открывают лечебные залы и аптеки. Наша семья Цзян из поколения в поколение занимается врачеванием. Чтобы не забывать изначальный замысел, этот колокольчик передавался от прадеда вплоть до моих отца с матерью.

— Твой отец с матерью? — Сюань Минь слегка нахмурился, протянул руку, взял у Цзян Шинина колокольчик, осмотрел и, потирая его, несколько мгновений прислушивался. Затем спросил:

— Кровные родственники у тебя ещё есть?

— Есть. Старшая сестра вышла замуж в Аньцин и избежала беды. — Ответил Цзян Шинин.

— Души твоих отца и матери заточены в этом лекарском колокольчике. В отличие от госпожи Сюй, скованной жерновом, их пока невозможно проводить. Нужны три капли свежей крови из точки лаогун твоего живого кровного родственника. — Сказал Сюань Минь.

— Кровь лаогун? — Цзян Шинин, рождённый в семье лекарей, сразу понял слова Сюань Миня.
— Имеется в виду свежая кровь из точки лаогун?

Сюань Минь кивнул.

Он вернул колокольчик Цзян Шинину и скользнул взглядом по лежащему рядом свёртку.

Сюэ Сянь последовал его взгляду и как раз увидел в свёртке ещё одну длинную благовонную палочку.

Он ткнул в неё пальцем и спросил:

— Лысый, ты для поминовения старухи Лю использовал лишь одну палочку. А вторая для чего?

Сюань Минь прямо ответил:

— Для поминовения этого учёного.

Цзян Шинин ещё не успел отреагировать, как Сюэ Сянь уже вскинул голову:

— Что?! Ты...

Не успев договорить, он увидел, как Сюань Минь вдруг упёрся руками в стол, глубоко нахмурившись и прикрыв глаза, словно ему внезапно стало нехорошо.

Сюэ Сянь опешил, замолчал и уставился на него:

— Лысый?

Он осторожно окликнул его ещё пару раз, но Сюань Минь не ответил, а просто сел на стул, закрыл глаза и, казалось, погрузился в покой и самовосстановление. Маленькая родинка у него на шее внезапно выпустила несколько тонких красных прожилок. На первый взгляд — словно притаился маленький паучок.

Впрочем, Сюэ Сянь не обратил внимания на такие мелочи. Он понаблюдал за Сюань Минем некоторое время, убедился, что тот не умрёт и не очнётся, и тайком поманил Цзян Шинина.

Примерно через время, необходимое, чтобы выпить чашку чая, на тропинке, ведущей от «Гуйюньцзюя» к окрестностям уезда Нинъян, торопливо шагал болезненный на вид, хилый учёный. На его плече восседал бумажный человечек, который, словно скряга, обнимал золотую жемчужину.

Это были Цзян Шинин и Сюэ Сянь.

<http://bllate.org/book/16289/1467855>